

Камалудин ГАДЖИЕВ

КАВКАЗ: МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ И ФРАГМЕНТАЦИЕЙ

Статья посвящена анализу Кавказа как специфического региона, характеризующегося особым обликом, своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного, конфессионального и иного характера.

The article is devoted to the analysis of the Caucasus as the specific region characterized by special shape, territorial and geographical, historical, ethno-national, socio-cultural, confessional and other characters.

Ключевые слова:

Кавказ, Южный Кавказ, Северный Кавказ, единство, фрагментация, империя, регион, государство, этнос, конфессия, цивилизация, цивилизационно-культурный круг; Caucasus, South Caucasus, North Caucasus, unity, fragmentation, empire, region, state, ethnos, faith, civilization, civilization-cultural circle.

С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов. Он находится почти в самом центре евразийского континента, занимая весьма выгодное экономико-географическое положение на одном из оживлённых перекрестков мировых коммуникаций. Это — специфический регион, обладающий своим особым обликом, со своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного, конфессионального и иного характера. Базовые характеристики Кавказа в значительной степени определяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на его этнонациональный состав, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты и т.д. В данной статье предпринята попытка выделения и анализа некоторых важных для понимания современных реалий региона аспектов данной проблемы.

Крайне рассечённая топография, создающая значительные барьеры на пути интеграции различных народностей и племён, во многом помогает объяснить резко бросающиеся в глаза этническую разнородность Кавказа, факт заметной фрагментации и локализации этнической идентификации. Этому способствовал и тот факт, что постоянные войны и разного рода конфликты составляли одно из основных занятий проживающих здесь народов, не всегда живущих в мире и согласии и имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Здесь зачастую общинные, племенные, местные, региональные идентичности (например, в Грузии — мегрельская, кахетинская, имеретинская, аджарская и др.) приобретают не меньшую значимость, чем просто политико-гражданская идентичность. Это, в свою очередь, создавало условия для сохранения весьма широкого спектра разнообразных культур и языков, что стало естественной основой консервации традиционного образа жизни и оказало значительное влияние на формирование особого менталитета народов Кавказа.

В регионе проживает множество народов и этнонациональных групп, имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Здесь сошлись ведущие мировые религии, прежде всего христианство и ислам, Запад и Восток, Европа и Азия, Север и Юг. В течение многих столетий Кавказ находился либо в эпицентре серьёзных геополитических катаклизмов, либо стоял на пути масштабных имперских войн. Борьба за стратегически важный ре-

ГАДЖИЕВ

Камалудин

Серажудинович —

д.и.н., профессор;

главный научный

сотрудник ИМЭМО

РАН

k.gajiev@rambler.ru

гион сталкивала здесь интересы Византии, Персии, Османской империи, России.

В данном контексте нельзя не затронуть следующий вопрос. В развернувшихся ныне по всему Кавказу, да и не только, дискуссиях, спорах и конфликтах многие их участники для обоснования неких исторических прав на те или иные территории зачастую используют неприемлемые с научной точки зрения приёмы и аргументы, произвольно трактуя реальные исторические факты, которые зачастую не могут быть подкреплены достоверными сведениями и документами. Например, азербайджанцы претендуют на Дербент и Южный Дагестан, утверждая, что они составляли исконную территорию Азербайджана, а лезгины Южного Дагестана, в свою очередь, требуют воссоединения с территорией нынешнего северного Азербайджана, где с незапамятных времен компактно проживают народы лезгиноязычной группы. Ссылками на историю Карабах обосновывает своё стремление к независимости, а Азербайджан, в свою очередь, в попытках вернуть Карабах в своё лоно также апеллирует к истории.

В рамках требований о восстановлении исторической справедливости Тбилиси обосновывает свои претензии на территорию Абхазии ссылками на якобы неабхазский характер Абхазии до XVII в. Со своей стороны абхазы, никоим образом не желающие возвращаться под юрисдикцию Грузии, могут использовать тот факт, что территория нынешней Абхазии была некогда попеременно частью Древнего Рима, Византии и Персии. В разное время ею с большим или меньшим успехом пытались завладеть арабы, гунезские колонисты. Они могут обосновать свои претензии на суверенитет ссылками на Абхазское царство, существовавшее в IX—X вв. В этой связи уместно напомнить, что с конца XV в. до начала XIX в. Абхазия находилась под властью Турции. В то же время правители Абхазии находились в той или иной форме и степени (номинальной или действительной) вассальной зависимости от тех или иных грузинских царств и княжеств или же в союзе с ними. Могут привести и тот довод, что зависимость Абхазии от грузинских царств и княжеств была эпизодической и зачастую номинальной и т.д.

Подобная историческая аргументация в той или иной форме используется во всех других спорах и конфликтах, определяю-

щих облик современного Кавказа. Результатом такого подхода стало разделение народов региона на автохтонные и пришлые, хозяев и гостей, титульные и нетитульные и т.д. Однако, как представляется, экскурсии в дебри истории для поисков оснований тех или иных позиций по данному вопросу представляют собой весьма шаткий путь доказательства древности одних народов и отказа в этом праве другим народам, а тем более — построения на этом зыбком фундаменте идеологии государства так называемой титульной нации. Суть вопроса состоит в том, что право того или иного народа на территорию проживания определяется не столько некими историческими прецедентами, сколько самим фактом проживания на этой территории. Тем более, вопрос о территориальной принадлежности того или иного района Кавказа настолько запутан, что порой определить, какая из вовлечённых в спор сторон обладает на него «историческим правом», что здесь истина, а что вымысел, представляется весьма трудным, если не невозможным делом.

Историю ни одного кавказского народа невозможно рассматривать изолированно, вне рамок общекавказского исторического процесса и того социокультурного фона, который представляет собой результат сотворчества всех народов Кавказа. Им никуда не уйти как от своей истории и земли, так и друг от друга. Расположенный на стыке Европы и Азии, Кавказ всегда являлся одним из важнейших регионов двусторонних контактов между странами Ближнего и Среднего Востока, а также Восточной Европой. История региона с незапамятных времён характеризовалась переселениями и миграциями народов, изменениями, порой существенными, ареалов заселения тех или иных народов, беспрерывными перекройками государственных границ и т.д. Через его территории с глубокой древности проходили многие племена — от киммерийцев и скифов до разнообразных тюркских племён. Часть их оставалась на Кавказе и, смешиваясь с автохтонным населением, создавала новые этнические общности. Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имели внутренние миграции представителей различных этносов в различных направлениях, особенно с Северного Кавказа в Закавказье и обратно с юга на север.

Эта тема довольно обстоятельно исследована в отечественной исторической и по-

литической науке. Здесь отметим лишь тот факт, что в течение многих столетий этнокультурные сообщества Кавказа не имели сколько-нибудь устойчивых и крепких скрепов, способных объединить их на длительное время в сколько-нибудь крупные, действительно суверенные и жизнеспособные государства. Для них эфемерные квазигосударственные, субгосударственные формы правления были не исключением, а правилом. Их члены разделяли общее название, общий миф о происхождении, общую историю и специфическую культуру, при этом ассоциируя себя с конкретной территорией. Естественно, они разделяли также общее чувство солидарности, хотя и не в государственно-политическом смысле в современном понимании этого слова.

На территории современной Грузии более или менее самостоятельные княжества сохранялись под сюзеренитетом Османской империи на западе и Ирана — на востоке. С приходом русских в конце XVIII — начале XIX вв. оставшиеся грузинские князья потеряли свои троны. В XIV в. Армения потеряла свою государственно-политическую идентичность. Армяне, разбросанные по трём империям — Османской, Персидской и Российской — нигде не составляли компактное большинство, кроме как на территориях вокруг Еревана, где в результате миграций в ходе серии русско-турецких войн они заняли господствующие позиции. Что касается территории нынешнего Азербайджана, то во второй половине XVIII в. накануне его присоединения к России там сложилось около 15 государственных образований — ханств, наиболее крупными из которых были Шекинское, Карабахское и Кубинское. Существовали и более мелкие феодальные владения — наибства и меликства.

Особенно отчётливо этническая и политическая раздробленность была характерна для Северного Кавказа. К началу XIX в. Северный Кавказ оставался политически раздробленным на множество самостоятельных или полусамостоятельных государственных образований. Так, в одном только Дагестане насчитывалось более 10 феодальных владений и несколько десятков союзов сельских общин. В тот период крайней раздробленностью и наличием многих независимых друг от друга обществ характеризовались Чечня и Ингушетия. Такая разобщённость особенно

была присуща горным районам, где тейпы объединялись в территориальные союзы или ассоциации, так называемые тухумы, джамааты, что служило серьёзным препятствием к внутреннему преодолению политической дробности, созданию сколько-нибудь прочных политических объединений. Разделёнными на множество политических образований оставались адыги. Здесь каждый князь или крупный дворянин одновременно являлся и правителем своего владения. То же самое можно сказать о Кабарде, где феодальные отношения были более развиты по сравнению с другими адыгскими областями.

Иными словами, политическая и этническая раздробленность сохранялась на всём Северном Кавказе вплоть до присоединения к России. Всё это позволяет сделать вывод, что политическая жизнь на протяжении всей истории Кавказа вплоть до его присоединения к России в конце XVIII — XIX в. характеризовалась партикуляризмом, была лишена единой территориально-политической или этнокультурной идентичности.

Этим во многом объясняется тот факт, что при образовании новых независимых государств на Кавказе сначала после октябрьского переворота 1917 г. и в наши дни после распада СССР многие ставили под сомнение их правомерность и легитимность. Действительно, в регионе претензии конкретных этносов на те или иные территории путём ссылок на историю зачастую имеют под собой весьма зыбкие основания и не всегда могут служить достаточным основанием легитимности или нелегитимности того или иного государства. Мы можем, например, как заклинания, повторять рассуждения о том, что Азербайджан как государство не существовал вплоть до провозглашения Азербайджанской демократической республики в 1918 г., что она есть «искусственное создание муссаватистов и коммунистов» и т.д. Но никуда не деться от того самоочевидного и неоспоримого факта, что в настоящее время Республика Азербайджан существует как самостоятельное независимое государство, признанное всем мировым сообществом в качестве суверенного и равноправного субъекта международных отношений и, соответственно, международного права.

Если исходить из вышеприведённых установок, причём принимая их в качестве

весомого аргумента «за» или «против», то Азербайджан действительно не имеет права на существование, поскольку, как уже говорилось, на территории нынешнего Азербайджана до её присоединения к России существовало 15 ханств и ряд других феодальных владений. Однако хотел бы я увидеть и услышать того человека, который назвал бы в современном мире хотя бы одно «не искусственное» государство. Профессиональный историк прекрасно сознает, что такого самопроизвольно, естественным образом образовавшегося государства просто не существует. Чтобы убедиться в этом, достаточно обозреть исторические веки и перипетии формирования политической карты современного мира. Кто может утверждать, что Соединённые Штаты Америки, Германия, Франция, Италия, Россия — не «искусственные» образования, созданные волей и гением сформировавшихся в их границах народов и их руководителей путём переселений, миграций, завоеваний, вторжений, войн, насилий, порабощений, слияний, ассимиляций (как добровольных, так и принудительных) и т.д. и т.п.? Латиноамериканские и африканские государства, Индия, Пакистан (вообще такого названия не существовало), Венгрия, Израиль... Одним словом, этот список в общем и целом совпадает с списком стран — членов Организации Объединённых Наций.

Можно сказать, что такими же искусственными образованиями являются все три южнокавказские республики. Суть вопроса состоит в том, что в реальностях современного мирового порядка нужно исходить не только из исторических или каких-либо иных прав и преимуществ, но и из самого факта существования того или иного государства. Поэтому рассуждения относительно легитимности или нелегитимности того или иного государства не всегда корректно обосновывать ссылками на исторические или иные подобные им аргументы.

Что касается Кавказа, то ни регион в целом, ни Южный Кавказ и Северный Кавказ в отдельности никогда не были политическими понятиями. Контуры политической карты Кавказа почти всю его историю зависели от исхода борьбы между различными сопредельными с ним империями. Регион действительно обладает определёнными исторически обусловленными устойчивыми особенностями по-

литического, социокультурного, языкового характера, типологически отличающими его от соседних регионов. Это, прежде всего, близость исторических судеб, национально-культурных традиций, менталитета, путей эволюции составляющих его народов. Причём независимо от того, сознают сами эти страны и народы это или нет. Эта специфика прослеживается на протяжении, возможно, всей писаной истории региона. Свою специфику имел в регионе и процесс консолидации и образования этнонациональных групп и народов. Одна из важнейших особенностей этого процесса состояла в том, что формирование и выживание этих групп и народов не всегда напрямую были связаны с государственными образованиями.

Здесь в силу комплекса факторов медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы социокультурной матрицы и политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Они значительно позже, чем большинство народов Европы, вступили на путь капиталистической модернизации. Живучесть позиций полуфеодальных групп и аристократии в политической жизни, устойчивость консервативных ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения ценностей, институтов отношений гражданского общества, рыночной экономики и правового государства.

Немаловажный отпечаток на политический ландшафт и состояние умов народов Кавказа накладывало то, что для него почти во все времена было характерно существование весьма сложного и запутанного клубка проблем и противоречий, которые слишком часто становились причиной ожесточённых споров и кровавых конфликтов и войн между различными народами и странами региона. В то же время он был в некотором роде яблоком раздора между соперничающими великими державами, граничащими с ним на западе, востоке и юге. Тысячи лет регион представлял собой либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть. С незапамятных времён в регионе были проложены границы, разделяющие ареалы обитания этносов, принадлежащих порой к различным куль-

турно-цивилизационным кругам, нередко враждебным друг другу: Византия, Парфия, арабы, монголы, тюрки, Персидская, Османская и Российская империи, христианство и ислам, суннизм и шиизм, народы, принадлежащие к кавказско-иберийской, тюркской, семито-хамитской семьям, различным ответвлениям индоевропейской семьи, сталкивались здесь, порождая почти неразрешимые противоречия и конфликты.

Что касается непосредственно нынешнего положения Кавказа, то нельзя не обратить внимания на тот факт, что само понятие «Кавказ» не имеет чёткого определения, тем более, что здесь этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами. В пространстве Большого Кавказа можно выделить несколько подпространств — сугубо географическое, культурно-языковое, историческое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое, политическое, которые, налагаясь друг на друга и дополняя друг друга, создают многомерное, сложное, обременённое противоречиями, конфликтами и нестабильностью геополитическое пространство, соприкасающееся на юге с Ближне-Средним Востоком, на востоке — с прикаспийской Центральной Азией, на западе — с Причерноморским регионом.

В политическом плане Кавказ разделён на две части: Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации, а Южный Кавказ занимают три независимых государства: Азербайджан, Армения и Грузия. Необходимо учесть и то, что ряд авторов включают в данный регион как территории, занимаемые северокавказскими национальными республиками Российской Федерации, так и территории Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краёв. Другие же, исходя из чисто этнодемографических критериев, ограничивают его территориями, заселёнными коренными горскими народами, политически оформленными в национальные республики.

Всё же весьма трудно, если не невозможно, провести сколько-нибудь чётко очерченную линию разграничения между Предкавказьем и Северным Кавказом, если исходить, например, из такого критерия, как ареалы расселения русских и собственно кавказских этносов. Эта связь

станет особенно очевидной, если учесть этнодемографический состав населения этих регионов. Как известно, территории Предкавказья и Северного Кавказа в течение XVII—XIX веков интенсивно заселялись русскими, украинцами и представителями других народов. Одновременно в Предкавказье шли миграционные потоки представителей как закавказских народов — армян, грузин, азербайджанцев, так и горских народов Северного Кавказа. В Ставропольском и Краснодарском краях значительную часть населения составляют выходцы из северокавказских национальных республик и стран Закавказья, сохраняются этнические анклавные автохтонного населения, которые в начале 90-х гг. преобразованы в Республику Адыгея и Карачаево-Черкесскую Республику. В четырёх субъектах Российской Федерации — Ставропольском крае, Дагестане, Чечне и Карачаево-Черкесии расселены ногайцы. С другой стороны, реальностью является наличие довольно больших масс русского населения в северокавказских республиках. Более того, в Карачаево-Черкесии и Адыгее русские численно превосходят автохтонное население.

Поэтому при анализе места и роли Кавказа как в мировой политике, так и в политической стратегии России весь регион следует рассматривать как единое целое безотносительно к государственным, административным, этнонациональным и иным границам, разделяющим его изнутри. Обоснованность такого подхода определяется общностью целого ряда основополагающих проблем, таких как тесные многовековые экономические, культурные, политические и иные связи, общность исторических судеб, близость форм, стандартов и стереотипов поведения, особенности менталитета и др. У народов Кавказа есть целый ряд общих целей и интересов, особенно в плане обеспечения и поддержания в регионе мира и стабильности, преодоления последствий войн и конфликтов, предотвращения нового витка конфронтации, защиты его этнокультурного и природно-экологического своеобразия.

Однако при всём единстве и однородности стоящих перед Кавказом как единым регионом проблем, приходится говорить также о довольно широком диапазоне различий между населяющими его народами и отдельными государствами с точки

зрения как природно-географических условий, наличия тех или иных ресурсов, факторов и видов хозяйственной деятельности, транспортной инфраструктуры, так и интеллектуального потенциала, качества рабочей силы, менталитета и т.д.

В свете всего изложенного возникает вопрос: «Можно ли считать Кавказ особой цивилизацией или неким единым культурно-цивилизационным ареалом, и можно ли говорить об особой кавказской цивилизации?» Здесь, вынося за скобки споры и дискуссии в мировой и отечественной гуманитаристике о природе и критериях определения цивилизации, считаю целесообразным ограничиться констатацией позиции автора статьи, согласно которой Кавказ можно рассматривать как некий культурно-цивилизационный круг, состоящий из множества в чём-то взаимосвязанных, а в каких-то важных аспектах противоречащих, конфликтующих друг с другом субкультур, этнонациональных, конфессиональных, лингвистических, национально-культурных, региональных и иных элементов и пластов, каждый из которых включает множество групп с собственной специфической для неё индивидуальностью.

Здесь при общей численности населения не более 30 млн чел. не просто разные этносы и народы, а этносы и народы, принадлежащие к разным языковым семьям, — грузины, горские народы Дагестана, вайнахской и адыгской групп и др., относящиеся к иафетической или кавказско-иберийской семье; азербайджанцы, кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы и др. — к тюркской; осетины и талыши и др. — к иранской ветви индоевропейской группы; армяне — к индоевропейской; таты — к семито-хамитской и т.д. Народы Кавказа исповедуют большинство существующих в современном мире религиозных верований: грузины — православие, армяне — монофизитскую ветвь христианства, горские народы Дагестана и народы вайнахской и адыгской группы — суннизм, азербайджанцы — шиизм, таты — иудаизм, и т.д.

Тем не менее нельзя сказать, что на Кавказе существуют две, три, четыре, множество цивилизаций. Даже признавая, что здесь сохранились фрагменты прежних — древних или средневековых цивилизаций, нельзя не признать также то, что длительный опыт совместного проживания, общая историческая судьба в значительной сте-

пени подвергли нивелировке многие различия сугубо цивилизационного характера. В этом плане Кавказ отличается, скажем, от ближневосточного или центральноазиатского культурно-исторических кругов. Причём его, по-видимому, следует характеризовать скорее как фрагментированное и конфликтное, нежели как единое и целостное. В отличие от западной христианской цивилизации, базирующейся на единой для каждой из них историко-культурной и конфессиональной инфраструктуре, многообразие и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга. Этим, по-видимому, в значительной степени определяется преобладание в регионе конфликтных, центробежных, дезинтеграционных, сепаратистских начал над консенсусными, центростремительными, интеграционными началами.

Кавказ — это трансграничное пространство, где веками протекали сложные процессы диффузии культур, обычаев, традиций, ценностей многих народов мира, пограничная зона между различными мирами, но при этом он сформировал свойственную только ему уникальность. Вполне естественно, что этническое, конфессиональное, культурное пространство Кавказа в результате смешения внутренних и внешних миграционных потоков не имеет чётких границ. Оно не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе южнокавказских государств, а простирается на территорию как Азербайджана и Грузии, так и Российской Федерации. В частности, это пространство включает территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, лезгины в Азербайджане и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и др. аспектов они могут быть отнесены к Северо-Кавказскому региону, хотя с точки зрения юридически-правового, политического они входят в состав разных государств.

Тем не менее почти все этносы в условиях взаимопроникновения этнических и даже культурных границ вынуждены уживаться вместе. В результате они образуют уникальный многонациональный и многоконфессиональный ареал, глубоко инкорпорированный в своеобразную географическую нишу.